

Генеральная Ассамблея

Distr.
GENERAL

A/CN.4/476
10 May 1996
RUSSIAN
ORIGINAL: ENGLISH

КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Сорок восьмая сессия

6 мая-26 июля 1996 года

ВОСЬМОЙ ДОКЛАД ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ,

подготовленный

Специальным докладчиком г-ном Гаэтано АРАНДЖИО-РУИСОМ

СОДЕРЖАНИЕ

	<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
ВВЕДЕНИЕ	1	3
ГЛАВА I. Проблемы, связанные с режимом международно-противоправных деяний, квалифицированных в качестве "преступлений" в статье 19 части первой проекта	2 - 46	3
i) Судьба статьи 19 части первой	3 - 8	3
ii) Особые или дополнительные материальные последствия преступлений	9 - 24	4
a) Общее замечание	9 - 10	4
b) Предлагаемый проект статьи 16	11 - 17	5
c) Предлагаемый проект статьи 17	18 - 21	7
d) Предлагаемый проект статьи 18	22 - 24	8

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
iii) Институциональные аспекты правового режима "преступлений"	25 - 41	9
a) Возражения de lege lata	27 - 38	9
b) Возражения de lege ferenda	39 - 41	12
iv) Выводы: статья 4 в принятом виде и проект статьи 20, предложенный в седьмом докладе	42 - 46	13

ВВЕДЕНИЕ

1. Цель настоящего доклада заключается в том, чтобы рассмотреть несколько вопросов, которым - как надеется Специальный докладчик - Комиссия уделит дополнительное внимание перед завершением, согласно плану, первого чтения проекта. Вопросы, о которых идет речь, - некоторые из них взаимосвязаны - касаются лишь частей второй и третьей проекта. Основными из них являются вопросы, затрагивающие аспекты, которые Комиссия рассмотрит в ходе своей сорок восьмой сессии - на пленарных заседаниях, в Редакционном комитете или и на заседаниях, и в Комитете - в связи с правовым режимом последствий международно-противоправных деяний, квалифицированных в качестве "преступлений" в статье 19 части первой проекта, принятой в первом чтении.

ГЛАВА I. Проблемы, связанные с режимом международно-противоправных деяний, квалифицированных в качестве "преступлений" в статье 19 части первой проекта

2. Хотя возобновлять состоявшееся в 1995 году обсуждение ключевой проблемы международно-противоправных деяний в отличие от деликтов по статье 19 части первой, принятой в первом чтении, не место и не время, некоторые разъяснения, как представляется, необходимы. Основное внимание в этих разъяснениях сосредоточено на: i) судьбе статьи 19 части первой и различиях между "деликтами" и "преступлениями" на этапе первого чтения; ii) материальных, а также процедурно-институциональных последствиях преступлений в свете обсуждений 1995 года.

i) Судьба статьи 19 части первой

3. Специальный докладчик считает, что статья 19 части первой в том виде, в каком она принята в 1976 году, должна оставаться тем, чем она является, а именно неотъемлемой частью проекта в первом чтении, которое Комиссия намерена завершить в течение сорок восьмой сессии.

4. Во-первых, это четкое решение, к которому Комиссия пришла на сорок седьмой сессии в результате двух неофициальных консультаций и которое она окончательно приняла путем проведения двух официальных голосований. Этому мнению придерживается явное большинство членов Комиссии. Во-вторых, высказанное в Шестом комитете предложение о включении в адресованные Комиссии указания Генеральной Ассамблеи мандата на перенос до второго чтения рассмотрения вопроса о последствиях противоправных деяний, одобрения Шестого комитета не получило. Предлагаемый проект пункта, который превратил бы статью 19 части первой в "мертвую" норму в течение всего периода от первого до второго чтения проекта, был в этой связи отвергнут Генеральной Ассамблеей.

5. Следовательно, Комиссии на своей сорок восьмой сессии следует предпринять серьезные усилия для охвата адекватными положениями частей второй и третьей последствий международных преступлений государств. Решение по вопросу о судьбе статьи 19 и различия между "деликтами" и "преступлениями", по мнению Специального докладчика, следует принимать только после того, как государства-члены Организации Объединенных Наций выскажутся в своих комментариях в отношении представленного для первого чтения полного текста всего свода статей.

6. Специальный докладчик, несомненно, сознает, что статья 19 части первой в том виде, в каком она принята, далека от совершенства. Присущие тексту в его первоначальной форме недостатки, которые отмечались в самом начале в ряде комментариев, сейчас, спустя 20 лет, стали еще более заметными, особенно в тех случаях, когда кто-либо обращается к сложной

проблеме последствий нарушений. Они, по-видимому, будут еще больше бросаться в глаза к тому времени, когда будет проводиться второе чтение. Однако ни один из этих недостатков не дает оснований для фактического отклонения этой статьи на данном этапе и не оправдывает применения поспешного, поверхностного подхода к последствиям серьезных международно-противоправных деяний.

7. Сделав все от него зависящее для тщательного изучения данного вопроса и выполнения после этого посредством представления своего седьмого доклада мандата, полученного от Комиссии в 1994 году, Специальный докладчик мало что может добавить к вопросу о положительных сторонах различия или к терминологической проблеме, суть которой заключается в определении того, является ли обоснованным и уместным термин "преступление".

8. Независимо от терминологической проблемы, в отношении которой Редакционный комитет 1996 года может попытаться отыскать, если это действительно необходимо, временное решение, практика государств явно свидетельствует о том, что очень серьезные по своему характеру и масштабам международно-противоправные деяния вызывают жесткие ответные меры со стороны государств, действующих индивидуально или коллективно. Препятствием не может считаться ни принцип "*societas delinquere non potest*", ни соображение о том, что определение поведения какого-либо государства в качестве преступного затронуло бы население этого государства. Оба возражения рассматриваются в нашем шестом и седьмом докладах и в пунктах 261 и 263 доклада Комиссии о работе ее сорок седьмой сессии Генеральной Ассамблеи 1/. В обоих документах надлежащим образом учитывается различие между государством, которое персонифицируется его современными правителями, с одной стороны, и населением этого государства - с другой.

ii) Особые или дополнительные материальные последствия преступлений

a) Общее замечание

9. Независимо от того решения, которое будет принято в отношении употребления терминов, обсуждение в ходе сорок седьмой сессии вопроса об особых или дополнительных последствиях международно-противоправных деяний свидетельствует о том, что высказанные в 1995 году предложения, касающиеся этих последствий, "получили" - используя формулировки доклада Комиссии о работе ее сорок седьмой сессии - "определенную поддержку" и в то же время "дали повод для оговорок" 2/.

10. Однако следует отметить, что поддержка исходила не только от членов, выступающих за статью 19 части первой, но и - несмотря на их "оговорки" - от тех членов, которые

1/ Как было отмечено рядом членов, "предпочтительнее определить конкретное поведение государств как преступное и регулировать последствия посредством судебного контроля и установления материально-правовых норм, с тем чтобы оградить население государства, совершившего преступление, от крайних трудностей, а не оставлять эту область нерегулируемой, скрывая карательный элемент под видом реституции или гарантии против повторения. В этой связи было указано, что некоторые государства столкнулись с уголовными последствиями, иногда превышающими те последствия, которые обычно характерны для преступлений, при этом их действия не были названы преступлениями". Доклад Комиссии международного права о работе ее сорок седьмой сессии (A/50/10, стр. 96).

2/ Там же, пункт 284.

высказываются против этой статьи. Иными словами, никто не оспаривал тот факт, что большинство изменений, предложенных в проектах статей 15-18 в целях адаптации, принимая во внимание использование концепции преступлений, тех положений, которые касаются деликтов, в любом случае подлежат включению в проект, что имеет своей целью охватить последствия наиболее серьезных международно-противоправных деяний, как бы они ни назывались 3/.

b) Предлагаемый проект статьи 16

11. Кроме общего возражения в отношении реальной или предполагаемой карательной коннотации некоторых последствий, рассматриваемых в проекте статьи 16, - возражение, явно связанное с общей концептуальной и терминологической проблемой, которую мы пока не рассматриваем 4/, - был заявлен ряд конкретных оговорок.

12. Одна из оговорок касалась различия между политической независимостью (т.е. государственной независимостью на международном уровне) и политическим режимом для целей смягчения обязательства, касающегося реституции в натуре 5/. Была выражена озабоченность по поводу того, что принцип смягчения подлежит применению не только в связи с необходимостью защиты государственной независимости этого государства, но также и в связи с защитой его политического режима. По нашему мнению, распространение действия принципа смягчения на политический режим, например государства-агрессора или государства, допустившего серьезное нарушение обязательств, касающихся прав человека или самоопределения, с практической точки зрения, возможно, было бы равноценно прощению нарушения. Решительное требование об изменении политического режима вполне могло бы выступать в качестве основного условия не только в рамках репарации, но и применительно к предоставлению гарантий неповторения. Редакционный комитет правильно поступит, если он уделит дополнительное внимание данному вопросу, прежде чем отклонить предложение о проведении различия между государственной независимостью и политическим режимом для целей реституции в натуре.

13. Замечания в отношении проекта статьи 16 были также рассмотрены в связи с вопросом о территориальной целостности, сохранение которой в проекте статьи было выделено в качестве основания для смягчения обязательства государства-правонарушителя осуществлять реституцию в натуре 6/.

14. Хотя большинство ораторов согласились с предложением Специального докладчика о включении защиты территориальной целостности (наряду с сохранением государственной независимости и обеспечением жизненно важных потребностей населения) в число смягчающих обстоятельств и хотя ряд членов разделили выраженные в этой связи Специальным докладчиком сомнения по поводу целесообразности рассмотрения каких-либо исключений, некоторые члены подвергли сомнению правомочность Комиссии "ставить перед собой подобного рода вопросы". Специальный докладчик, которому неизвестно о каких-либо ограничениях в отношении

3/ Этот вывод явно следует из пунктов 282-305 доклада Комиссии о работе ее сорок седьмой сессии.

4/ См. пункты 39 и 42-46 ниже.

5/ См. Доклад Комиссии международного права о работе ее сорок седьмой сессии (A/50/10), пункт 289.

6/ Там же, пункт 291.

компетенции Комиссии обсуждать какой-либо вопрос, который может потребоваться для надлежащего выполнения ею своей роли в прогрессивном развитии и кодификации международного права и права ответственности государств, в частности, и выражать свои мнения по нему, все же считает, что Редакционному комитету следует уделить внимание данной проблеме. Несомненно, территориальная целостность в принципе не должна ставиться под угрозу в результате осуществления обязательства обеспечивать реституцию в натуре. Вопрос о том, какие исключения - если они вообще будут иметь место - следует предусмотреть и какого рода (единственный спорный вопрос, поднятый нами), должен в меру своих возможностей изучить Редакционный комитет 1996 года.

15. Хотя в ходе обсуждений, состоявшихся в 1995 году, ряд членов высказали оговорки относительно мнения о том, что статья 8 части второй, посвященная компенсации, не предусматривает какой-либо адаптации для целей ее применения к преступлениям, Специальный докладчик с трудом понимает их позицию. Сказать, что смягчение обязательства в отношении компенсации было бы обусловлено - как это объясняется в пункте 293 указанного доклада Комиссии - сложностями осуществления такого обязательства в случае "крупных катастрофических событий, подобных второй мировой войне", по нашему мнению, означает предположить, что к государствам, несущим ответственность за какую-либо катастрофу такой необыкновенной тяжести, следует подходить менее строго, чем к государству, несущему ответственность за незначительное нарушение договора о торговле! Несомненно, должны существовать пределы. Однако единственным возможным смягчением, по нашему мнению, должно быть прямое или имплицитное распространение действия положения, предусматривающего защиту жизненно важных потребностей (физического и морального характера) населения государства-правонарушителя, на обязанность выплачивать компенсацию за преступление.

16. Что касается гарантий неповторения, то Специальный докладчик озадачен оговорками, заявленными некоторыми членами в отношении предлагаемого отказа от смягчения этого обязательства, в основе которого (в случае деликтов) лежит уважение достоинства государства-правонарушителя. Хотя ненужные, бессмысленные унижения государства-правонарушителя, несомненно, были бы неуместны, трудно себе представить, например, чтобы государству, виновному в таких преступлениях, как умышленное вооруженное нападение и вторжение или умышленное, систематическое, массовое нарушение прав человека или права на самоопределение, не было предложено предоставить гарантии, которые, при сохранении его государственной независимости и государственной целостности, могут рассматриваться в качестве несовместимых с таким формальным атрибутом государства, как его "достоинство". Основным соображением должна быть эффективность гарантий, которые будет предложено предоставить, а не "достоинство", ущерб которому наносит прежде всего сам правонарушитель.

17. Аналогичные соображения касаются озабоченности, выраженной некоторыми членами в отношении защиты суверенитета и свободы государства-правонарушителя. И в этом случае все будет зависеть от характера преступления и гарантий, которые будет предложено предоставить во избежание повторения. Например, можно ли не выполнить требование о передаче виновных правительственных должностных лиц для суда (законно учрежденным) международным трибуналом на том основании, что оно затрагивает суверенитет и свободу государства-правонарушителя 7/?

7/ Не следует упускать из виду то обстоятельство, что избыток гарантий в интересах государства-правонарушителя поставил бы под угрозу достижение самой цели нормы о гарантиях неповторения. Кроме того, такое положение могло бы подталкивать к произвольным действиям, включая незаконные военные действия, со стороны отдельных государств.

с) Предлагаемый проект статьи 17

18. Были выражены сомнения в отношении допустимости рассмотрения вопроса о контрмерах в связи с преступлениями. В основе такого рода сомнений лежит соображение, заключающееся в том, что такие меры "узаконивают применение силы и принудительные меры" и способствуют тому, что "государство-заявитель приобретает статус судьи в своем собственном деле" вместо того, чтобы "способствовать равенству и справедливости, которые важны для мирового порядка" 8/. Эти же ораторы подчеркнули поэтому "необходимость осторожного определения структуры мер принуждения в интересах суверенного равенства, территориальной целостности, политической независимости и регулирования международных отношений на основе международного права, справедливости и правосудия" 9/. Эти замечания вызывают недоумение по двум причинам. Во-первых, как представляется, в них ставится под сомнение не только любая попытка урегулировать вопрос о дополнительных последствиях преступлений или серьезных нарушений, называемых иначе, но и любое регламентирование реакции на всякого рода международно-противоправные деяния.

19. Во-вторых, в вышеупомянутых замечаниях, как представляется, игнорируется тот факт, что в рамках рассмотрения инструментальных последствий преступлений в проекте статьи 17 предусматривается (равно как в статье 16 в отношении материальных последствий), что право пострадавшего государства прибегнуть в контрмерах "ограничено условием, изложенным в пункте 5 (проекта) статьи 19" в том виде, в каком он предложен. Предусмотренным условием является наличие решения Международного Суда о том, что было совершено или совершается преступление. Следовательно, в проекте статьи 17, отнюдь не узаконивающем "применение силы" или приобретение государством-заявителем "статуса судьи в своем собственном деле", предпринимается попытка - независимо от достоинств предложенной схемы в целом - оказать содействие по крайней мере в достижении большего "равенства и справедливости, которые важны для нового мирового порядка", чем в рамках системы, контролируемой исключительно самими государствами (или некоторыми из них) или каким-либо политическим органом ограниченного состава, сформированным путем отбора его членов 10/.

20. По нашему мнению, столь же трудно понять суть пункта 299 цитируемого доклада КМП. Что должно делать пострадавшее государство в ожидании какого-либо решения со стороны международного органа (возможно, судебного), если не прибегать "к срочным, временным мерам, которые требуются для защиты прав потерпевшего государства" и т.д.? Каким образом "трудности, присущие этой концепции" (временных мер), обуславливают "отклонение" предлагаемого положения проекта статьи 17? Разве не очевидно то, что если Редакционному комитету в 1996 году и предстоит сделать что-то серьезное в отношении последствий наиболее тяжких международно-противоправных деяний, то это изучить с учетом также замечаний о временных мерах, высказанных далее в настоящем докладе, вопрос о том, следует ли и каким

8/ Документ A/50/10, пункт 298.

9/ Там же, пункт 298.

10/ См. пункты 31 и 39-41 ниже.

образом устранить трудности, присущие концепции временных мер? Препятствует ли рассмотрению Комиссией данной темы то обстоятельство, что это не были проработаны деликты 11/?

21. Замечания, упомянутые в пункте 300 цитируемого доклада Комиссии за 1995 год, будут рассмотрены ниже.

d) Предлагаемый проект статьи 18

22. Содержащееся в пункте 301 доклада КМП о работе ее сорок седьмой сессии замечание о том, что в некоторых положениях статьи 18 не проводится различия между правами государства, индивидуальные права которого были нарушены, и правами других государств, представляется обоснованным. По этому вопросу следует посоветоваться с Редакционным комитетом 1996 года.

23. С другой стороны, мы озадачены вторым общим замечанием, согласно которому "некоторые формулировки [проекта статьи 18] относились скорее к нормам, касающимся поддержания международного мира и безопасности, нежели к нормам права об ответственности государств". Учитывая степень тяжести преступлений, самым серьезным из которых является агрессия, это заявление представляет собой то, что во французском языке называется "lapalissade" ["трюизм"].

24. Задача Комиссии заключается именно в том, чтобы, несмотря на степень взаимозависимости, провести различие между тем, что относится к праву ответственности государств, и тем, что является частью права коллективной безопасности. Это положение распространяется и на деликты, хотя в большей степени оно касается преступлений. Мы указывали на эту проблему различия, однако в ходе прошлогодних прений в этом отношении мало что было сделано. Основные выступления (хотя и не большинство из них), сделанные по этой теме в ходе обсуждения, были выступлениями тех членов, которые вместо того, чтобы попытаться провести разграничение, предпочли просто включить право ответственности в право коллективной безопасности, полностью подчинив первое второму. Не было уделено почти никакого внимания поднимаемым с 1992 года Специальным докладчиком вопросам, касающимся статьи 4 части второй, принятой в первом чтении, или сравнения между этой статьей и проектом статьи 20 в том виде, в каком он предложен в седьмом докладе. Более подробно об этом говорится в пунктах 42-46 ниже.

iii) Институциональные аспекты правового режима "преступлений"

25. Аргументы против институциональной схемы последствий, содержащейся в проекте статьи 19, в том виде, в каком он предложен в седьмом докладе, необходимо различать в

11/ Можно только удивляться тому, что озабоченность по поводу трудностей с выработкой определения срочных временных мер (в целях, предположительно, предотвращения злоупотребления) логическим образом сосуществует с выраженной в отношении других положений озабоченностью в связи с тем, что требование, касающееся предварительного наличия решения Международного Суда, "оказало бы негативное воздействие на эффективность и оперативность ответных мер".

зависимости от того, что они собой представляют: возражения *de lege lata* 12/ или возражения *de lege ferenda* 13/.

26. Хотя различие между обязательствами *de lege lata* и *de lege ferenda* не должно слишком буквально восприниматься или применяться в отношении работы какого-либо органа, которому, подобно Комиссии, поручено заниматься как прогрессивным развитием, так и кодификацией - первая задача неизбежно преобладает при определении возможного правового режима последствий преступлений, - попытаемся рассмотреть оба комплекса вышеупомянутых возражений раздельно.

a) Возражения *de lege lata*

27. Что касается возражения на основе статьи 12 Устава и предположительно существующего "риска коллизии" между Ассамблеей и Советом, то задача, решение которой возлагается схемой на оба органа, как представляется, не носит такого характера, чтобы значительно повысить вероятность возникновения противоречий между двумя органами.

28. Во-первых, необходимо еще раз подчеркнуть, что статья 12 Устава столь часто игнорировалась или каким-то образом обходилась Генеральной Ассамблеей, что, по мнению многих из тех, кто представил комментарии, она устарела. Единственной четкой линией разграничения является такая линия, которая препятствует вмешательству Ассамблеи в осуществление функций Совета Безопасности в соответствии с Уставом: и эта линия необязательно пересекалась бы вследствие того, что при рассмотрении Советом Безопасности какого-либо спора Генеральная Ассамблея принимает рекомендацию, признающую наличие достаточных оснований для озабоченности по поводу ситуации, которая может быть приравнена к международному преступлению. Такого рода рекомендация действовала бы в качестве условия, открывающего (в соответствии с будущей конвенцией об ответственности государств) возможность передачи этого утверждения на рассмотрение Международного Суда либо пострадавшими государствами, либо предполагаемым правонарушителем. Что касается, в частности, последующего эффекта предварительной резолюции Ассамблеи - а также аналогичной резолюции Совета Безопасности, - то этот эффект был бы обусловлен будущей конвенцией об ответственности, а не Уставом: в Уставе не содержится никаких положений, препятствующих тому, чтобы государства присваивали, договорным путем, определенные последствия, резолюции Генеральной Ассамблеи или Совета Безопасности, включая такое последствие, как наличие у Международного Суда юрисдикции по некоторым делам.

29. Единственным вариантом возникновения серьезной коллизии является случай, когда Совет Безопасности делает вывод в соответствии со статьей 39 и принимает меры на основании главы VII. Однако, если не учитывать тот факт, что предлагаемая схема гарантирует посредством проекта статьи 20 функции Совета Безопасности, касающиеся поддержания международного мира и безопасности - второй вид функций преобладает в той мере, в какой они касаются этой области, - впечатление того, что, даже в таком случае, возможность вынесения Ассамблеей решения о серьезности утверждения о совершении преступления может в значительной мере увеличить риск возникновения коллизии, не складывается. Учитывая то обстоятельство, что схема охватывает только последствия преступлений (предусмотренные в положениях проектов статей 15-18), но не меры Совета Безопасности в области безопасности и что процедура

12/ См. документ A/50/10, пункт 307.

13/ Там же, пункт 307.

Международного Суда может быть приведена в действие (в соответствии с конвенцией) путем принятия резолюции любым органом, повышения степени риска возникновения *conflits de compétence* (дублирующих друг друга юрисдикций) вследствие наличия схемы, как представляется, не произойдет.

30. Если Совет Безопасности делает вывод об агрессии на основании статьи 39 и принимает соответствующие меры на основании главы VII, то он может принять решение о наличии или отсутствии серьезного основания для утверждения о совершении преступления. Если Ассамблея в свою очередь также принимает решение аналогичного свойства, уголовно-процессуальные нормы могут быть выполнены без ущерба для мер Совета в области безопасности благодаря положениям, содержащимся в проекте статьи 20 (пункты 44-46).

31. Возникновение коллизии было бы еще менее вероятным в случае преступлений, иных, чем преступления, которые частично совпадают с вариантом применения статьи 39 Устава. По нашему мнению, вопросы, касающиеся таких областей, как права человека, самоопределение или нанесение ущерба окружающей среде, относятся *de lege lata* скорее к компетенции Генеральной Ассамблеи, нежели чем Совета Безопасности. Поэтому в том, что касается нарушений в этих областях, вряд ли имеются основания полагать, что возложение на Ассамблею в рамках предлагаемой схемы (в качестве альтернативы Совету) функции вынесения предварительного определения будет не совместимо со статьей 12 или, с другой стороны, повысит опасность возникновения коллизии между этими двумя органами. Мы, естественно, исходим из того, что оба органа, включая Совет Безопасности, будут ограничивать свои действия рамками своей соответствующей сферы компетенции.

32. Безусловно, вполне возможно, что опасность возникновения коллизии, вероятно, невольно преувеличивается некоторыми критиками предлагаемой схемы, которые считают, что все или большинство преступлений могут быть квалифицированы в качестве "ситуаций" по смыслу статьи 39 (особенно в качестве угрозы миру). Поэтому вполне естественно, что, по их мнению, преступления должны таким образом относиться к сфере компетенции Совета Безопасности. Однако в данном случае это является ответственностью государств *lex ferenda*, а не *lex lata*.

33. Второе возражение *de lege lata*, по-видимому, указывает на то, что Совет Безопасности не может на законном основании выносить предварительное определение, предусмотренное в предлагаемой схеме (т.е. "*crime fumus resolve*"), поскольку в соответствии с Уставом (статьи 34 и 39) этот орган уполномочен лишь определять существование угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии. Однако нетрудно заметить, что ряд международных документов наделяют Совет Безопасности, в определенном смысле, функциями *extra ordinem*, или дополнительными функциями: такие функции, несомненно, касаются отношений между государствами, являющимися участниками каждого такого документа. В связи с этим в рамках предлагаемой схемы в будущей конвенции об ответственности государств будет предусмотрено только то, что не выходит за эти рамки.

34. В том, что касается третьего комплекса возражений, необходимо сделать несколько замечаний по поводу оспариваемых требований в отношении квалифицированного большинства, которые предусмотрены в пункте 2 проекта статьи 19. По нашему мнению, тот факт, что в соответствии со статьей 18 Устава решения по важным вопросам принимаются в Ассамблее большинством в две трети голосов, не создает никакого юридического препятствия в том случае, когда в конвенции, наделяющей Ассамблею определенной функцией (в рамках процедуры, упомянутой в предыдущем пункте), будет также предусматриваться, что для выполнения этой функции требуется большинство голосов. В случае отсутствия такого большинства голосов можно было бы просто сделать вывод о том, что условие, касающееся вынесения предварительного

определения, не было выполнено. Во всяком случае мы вряд ли можем согласиться с тем, что Ассамблея будет испытывать какие-либо затруднения с принятием идеи о том, что так называемое "crime fumus resolve" должно приниматься большинством в две трети голосов.

35. В случае Совета этот вопрос, безусловно, не столь прост, поскольку он осложняется, в определенной степени, существующим различием между главами VI и VII и между спорами и ситуациями. В связи с первым вопросом необходимо вновь, как это уже отмечалось, проводить различие между ролью, которую будет выполнять Совет Безопасности в рамках предлагаемой схемы, и той ролью, которую он в любом случае выполняет в рамках главы VII. По нашему мнению, функция, предусматриваемая в схеме, будет подпадать под сферу главы VI. Кроме того, так же, как и в случае Ассамблеи, эта функция может быть возложена на Совет в соответствии с другим, помимо Устава, международным документом (конвенция об ответственности государств). Не должно существовать никаких юридических препятствий для применения положений такого документа (документа, в котором развиваются и кодифицируются нормы права, касающиеся ответственности государств, а не нормы права, касающиеся коллективной безопасности), в котором установлено требование (помимо обеспечения определенного большинства голосов) о том, чтобы "сторона в споре" воздерживалась от участия в голосовании.

36. В том, что касается второго вопроса (различие между спором и ситуацией), ответ на возражение заключается, во-первых, в том, что ситуация, при которой государство обвиняется в совершении преступления другими государствами, безусловно в большей степени относится к категории споров, а не просто к категории ситуаций. Во-вторых, обязанность воздерживаться от участия в голосовании вновь явилась бы вопросом, относящимся к нормам права, касающимся ответственности государств и кодифицированным в специальной конвенции, а не вопросом, который регулируется Уставом. В Уставе не усматривается никаких юридических препятствий для того, чтобы в таком документе предусматривались определенные правовые последствия (такие, как задействие юридической возможности обращения в Международный Суд) применительно к резолюциям, принимаемым Советом Безопасности квалифицированным большинством голосов при том, что установленное число членов воздерживаются от голосования.

37. Еще одно возражение было связано с тем, что решение, согласно которому на государство будет распространяться юрисдикция Международного Суда, будет "неизбежно" подпадать под сферу главы VII и что поэтому на него будет распространяться право вето. Ответ на это утверждение вновь заключается в том, что юрисдикция Международного Суда не будет распространяться на государства в соответствии с процедурой "crime fumus resolve" ни Совета, ни Ассамблеи. Это будет обеспечиваться на основе конвенции, в которой развиваются и кодифицируются нормы права, касающиеся ответственности государств, а не на основе предусмотренных в Уставе норм права, касающихся коллективной безопасности, в отношении которых в конвенции об ответственности государств не содержатся и не могут содержаться какие бы то ни было касающиеся их положения.

38. Возражение, согласно которому постоянный член Совета Безопасности не может на законном основании брать на себя обязательство не использовать так называемое "право вето", может, в некоторой степени, иметь под собой определенные основания с точки зрения норм права, предусмотренных в Уставе. Можно также утверждать, что право вето предоставлено определенным государствам-членам не только в их интересах, но и в интересах других членов. Однако это возражение не будет действовать в случае преступлений, поскольку в его основе лежит неоправданное смешение закрепленных в Уставе норм, касающихся коллективной безопасности, с одной стороны, и норм, касающихся ответственности государств, - с другой. Нормы, касающиеся ответственности государств, могли бы в полной мере служить законным основанием (а Конвенция по данному вопросу обеспечила бы его) для отказа некоторых государств, ради обеспечения

справедливости и равенства в области ответственности государств, от своего "права вето". В Уставе закреплены принципы справедливости и равенства, и эти принципы лежат в его основе. То, что отступление от принципа равенства государств было правомерно сочтено необходимым для поддержания международного мира и безопасности, в частности для целей норм права, касающихся коллективной безопасности, не подразумевает, что государства должны находиться в неравном положении в том, что касается вопросов, охватываемых нормами права в области ответственности государств.

b) Возражения de lege ferenda

39. В отношении предположительно "громоздкого" характера предлагаемой институциональной схемы вполне очевидно, что условия, которые должны быть предусмотрены в отношении последствий преступлений, должны быть более строгими по сравнению с условиями, предусмотренными в отношении последствий деликтов. Одна из причин этого связана с более высокой степенью серьезности материальных и процессуальных последствий, которые должны быть предусмотрены в случае преступлений, по сравнению с последствиями, которые должны быть предусмотрены в случае деликтов. Естественно, что в отношении первой категории последствий (за исключением, безусловно, тех срочно необходимых временных мер, которые критики, по-видимому, не принимают во внимание) должен быть установлен более строгий "коллективный" или "совместный" контроль. Предполагаемая "неспособность реагирования" в любом случае не сказалась бы на принятии срочных мер.

40. С учетом степени тяжести совершенного нарушения, на которое ссылается обвиняющая сторона, и заинтересованности всех государств (будь то будущих жертв или будущих обвиняемых) в том, чтобы определение наличия/присвоения преступления осуществлялось с использованием наиболее объективной процедуры, имеющейся на нынешнем этапе развития международного "институционального права", вероятность того, что государства согласятся с обязательной юрисдикцией Международного Суда в целях такого определения, не представляется настолько проблематичной, чтобы это служило оправданием нежелания Комиссии включать такое требование в проект, призванный обеспечить прогрессивное развитие и кодификацию норм права, касающихся ответственности государств.

41. В том, что касается "нежелательных практических последствий" для потерпевших государств или совершившего противоправные действия государства (т.е. предположительно потерпевших или предположительно государств-нарушителей), мы считаем, что "практические последствия" предлагаемой схемы следует рассматривать не в абсолютном смысле, а в сравнении с альтернативным решением или решениями. Действительно, альтернативой для "громоздкой процедуры", предложенной в седьмом докладе, являются либо односторонние и возможно произвольные действия отдельных, предположительно пострадавших, государств или групп государств или чисто политические решения политического органа или действия, которые он может санкционировать. Любой из этих случаев предполагает высокую степень произвольности или избирательности действий (индивидуальных или коллективных) со стороны "сильных" государств. Предлагаемая "громоздкая процедура" обеспечивает по крайней мере более высокую степень объективной оценки и "crime fumus resolve" за счет i) предоставления полномочий на осуществление политической оценки Генеральной Ассамблее, имеющей более репрезентативный и, следовательно, более объективный характер; и ii) добавления (что имеет более существенный характер) специального заключения, такого, как судебное решение Международного Суда.

- iv) Выводы: статья 4 в принятом виде и проект статьи 20, предложенный в седьмом докладе

42. Как поясняется в седьмом докладе, Специальный докладчик считает, что правовые последствия международных преступлений государств, а также последствия любого международно-противоправного деяния относятся к сфере норм права, касающихся ответственности государств. Однако с учетом того, что некоторые противоправные деяния, квалифицируемые в качестве преступлений в статье 19 части первой, принятой в первом чтении, могут, в определенной степени, соответствовать одной из ситуаций, предусмотренных в статье 39 Устава, то в этом случае могут возникать проблемы, связанные с проведением различия. Мы в частности, но не исключительно, имеем в виду проведение различия между институциональными процедурами, предусмотренными в связи с последствиями преступлений, с одной стороны, и предусмотренными в Уставе процедурами, касающимися поддержания международного мира и безопасности (в частности, но не исключительно, процедурами, предусмотренными в главе VII), с другой стороны. Возможность возникновения таких проблем не должна, однако, служить основанием для вывода о том, что нормы права, касающиеся ответственности государств, следует, например, "игнорировать" или не принимать во внимание путем подчинения любых материальных или процессуальных последствий преступлений нормам права, касающимся коллективной безопасности.

43. Проблема сосуществования норм права, касающихся ответственности государств, и норм права, касающихся коллективной безопасности, в ходе прошлогодней дискуссии по вопросу о последствиях преступлений не обсуждалась надлежащим образом, хотя и не игнорировалась. Все члены Комиссии, безусловно, признавали существование этой проблемы. Те члены Комиссии, которые затрагивали этот вопрос, придерживались в этом отношении, если мы правильно поняли, непосредственно двух подходов. Одни члены отметили (и весьма справедливо), что отдельные положения предлагаемого проекта статей (15-19) затрагивают вопросы, относящиеся также к поддержанию международного мира и безопасности. В то же время другие члены Комиссии подчеркнули (и весьма решительно), что вопрос о преступлениях в целом не следует просто оставлять на усмотрение Совета Безопасности, действующего в рамках своих полномочий, касающихся поддержания международного мира и безопасности. Учитывая, что, по их мнению, большинство преступлений, если не все преступления, представляют собой по крайней мере угрозу миру, в конвенцию об ответственности государств нет необходимости включать какие-либо положения, касающиеся преступлений. Несмотря на то, что большая часть членов Комиссии, по-видимому, не разделяла эту точку зрения, участники дискуссии, по нашему мнению, недооценили важность этого вопроса.

44. В соответствии с его мнением о том, что правовые последствия преступлений относятся к сфере норм права, касающихся ответственности государств, и должны рассматриваться в качестве таковых в проекте (*de lege ferenda* или *de lege lata*, в зависимости от конкретного случая), Специальный докладчик предложил в прошлом году проект статьи 20 14/. Эта статья была призвана обеспечить, чтобы ни положения проектов статей 15-18, ни проекта статьи 19 не создавали излишних препятствий ни для принятия Советом Безопасности мер в рамках осуществления его функций согласно соответствующим положениям Устава, ни для осуществления неотъемлемого права на самооборону, предусмотренного в статье 51 Устава. Одновременно она была призвана четко показать, что в той степени, в какой применение норм права, касающихся ответственности государств, будет "зависеть" от любых решений или мер Совета Безопасности (или, в данном случае, Генеральной Ассамблеи), сфера таких решений или мер будет ограничиваться рамками соответствующих положений Устава.

45. В результате усилий по достижению вышеуказанной цели и по ее подготовке проекта статьи 20 этот проект в том виде, в котором он предложен, отличается от статьи 4 части

второй, принятой в первом чтении на основе предложения нашего предшественника. Как нам представляется, в этом положении провозглашается верховенство норм права, касающихся коллективной безопасности, над статьями, касающимися ответственности государств, в такой степени, что это открывает возможность с точки зрения правовых последствий международно-противоправных деяний (и, по-видимому, не просто преступлений) для определенного подчинения норм, касающихся ответственности государств, действиям политических органов.

46. С учетом огромной важности этого вопроса Специальный докладчик убежден в том, что в 1996 году Редакционный комитет уделит ему то пристальное внимание, которого он заслуживает. По нашему мнению, Комиссия поступила бы неправильно, если бы она сохранила текст статьи 4 в его нынешнем виде. Независимо от того, в какой степени Редакционный комитет или сама Комиссия будут в конечном итоге готовы согласиться с предлагаемыми Специальным докладчиком проектами статей 15-20, такое положение, которое содержится в указанной статье 4, серьезно скажется на проведении различия между нормами, касающимися коллективной безопасности, и нормами, касающимися ответственности государств, и значительно подорвет эффективность последних 15/. Сохранение этого различия является жизненно важным элементом - *de lege lata*, а также *de lege ferenda* - существования, эффективности и будущего развития норм права, касающихся ответственности государств. Редакционный комитет, которому проекты статей 15-20 были переданы в прошлом году, должен обязательно рассмотреть этот вопрос столь обстоятельно и широко, как это необходимо для сохранения и уточнения этого различия. По нашему мнению, такому органу юристов, каковым является Комиссия международного права, было бы неосмотрительно высказывать мнение о том, что действенность или применение принимаемых им статей будет зависеть от решений или других действий политических органов (будь то Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи), за исключением тех случаев, когда это необходимо сугубо для поддержания международного мира и безопасности. Положение, содержащееся в статье 4 части второй, в том виде, в котором оно принято, привело бы не только к подрыву эффективности норм, касающихся ответственности государств, как об этом говорилось выше. Оно также стало бы крупным фактором, стимулирующим политические органы к расширению сфер своих функций и компетенции на основе сомнительных доктрин эволюционного толкования, подразумеваемых полномочий и/или аналогий федеральной практики с Уставом Организации Объединенных Наций. По нашему мнению, проект статьи 20 сформулирован более осмотрительно в этом отношении; и обращение в Международный Суд, что предусматривается в нашем проекте статьи 19, должно способствовать обеспечению определенного судебного контроля за соблюдением "линии разграничения" между нормами в области международной безопасности и нормами в области ответственности государств 16/.

15/ Мы оспаривали редакцию статьи 4 по крайней мере с 1992 года (A/CN.4/SR.2277, стр. 3-5 английского текста; и Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок седьмая сессия, Дополнение № 10 (A/47/10), пункты 261-266). См. также седьмой доклад, пункты 95 (и сноска 49) и 136-138.

16/ Мнение о том, что для Суда следует предусмотреть более существенную роль в области ответственности государств (включая особенно те области, которые граничат с областью поддержания мира и безопасности), получает все большую поддержку среди юристов-международников.